

Сергей Тришин

*Истинная
история
царевны-
лягушки*

*Оптимистический
постапокалипсис*

Сергей Гришин
Истинная история царевны-
лягушки. Оптимистический
постапокалипсис

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29804182
ISBN 9785449043733*

Аннотация

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. И пришло время им выбирать невест. Ведь лотерею «Добры молодцы» никто не отменял. И всё бы было как обычно, если бы не странная невеста младшего царевича.

Содержание

Часть 1. В некотором царстве	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Истинная история царевны-лягушки Оптимистический постапокалипсис

Сергей Гришин

© Сергей Гришин, 2018

ISBN 978-5-4490-4373-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. В некотором царстве

1. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Ну, не то чтобы в царстве, не то чтобы царь. С царствами в нашем мире история обошлась

сурово. Нет их, царств этих. Как говорят мудрецы, сначала все хотели объединиться в единое процветающее человечество.

Вы пробовали объединить такую кучу совершенно разных людей? Я – нет. Ведь даже в небольших группах вскоре кто-то начнёт доминировать. А если подобных личностей несколько? А если несколько тысяч?

Вот и тогда, как говорят, стали люди меряться, у кого длиннее. Что именно длиннее – мудрецы не уточняют. Я так думаю, копьё. Ну, или дубина. Короче, победителей не было. До полного уничтожения человечества, к счастью, не дошло. Но от больших царств ничего не осталось.

Отец в своё время прославился тем, что устранял побочные эффекты того конфликта – киборгов, шляющихся по планете и выполняющих последний приказ. А какой мог быть приказ? Конечно, убивать врагов. Ну, а поскольку командиров у них не осталось, то и с определением врага тоже встала проблема.

И вот, мой героический родитель гонялся за свихнувшимися машинами-убийцами, чем заслужил уважение в народе. И, пользуясь случаем, подмял под себя райончик. Так себе райончик. Две большие свалки, плантация репы да купеческое подворье. Причём свалки из них приносят наибольшую прибыль. Размеры государства, впрочем, не мешают ему называться царём.

Насчёт сыновей – правда. Трое нас. Старший – Степан.

Первый боец и батин помощник по выколачиванию налогов из защищаемого населения. Средний – Абрам. Этот больше по торговой части да по пристроюству собранных налогов. Ну и, собственно, я. Зовут Ваней. Пока ни в чём полезном замечен не был.

Эта запутанная история началась как раз накануне розыгрыша лотереи «Добры молодцы», суть которой состоит в случайном выборе сезонной невесты для элиты. Слово «сезонная» в данном случае не значит, что одна невеста зимняя, а другая – летняя. Нет. Это увлекательное событие проходит каждые два года. Вроде Олимпийских игр, о которых мудрецы говорят, что их создавали, дабы войны останавливать. Правда, как говорят те же мудрецы, впоследствии их наоборот использовали в качестве повода обидеться на соседей и устроить им какую-то эмбаргу, что бы это ни значило.

У нас же всё устроено, вроде бы, по уму. Для простых людишек закон устанавливает строгое ограничение на рождение детей – кормить самостоятельно больше одного всё равно вряд ли кто в состоянии. А вот дети знати получают дотации на прокорм и гарантированные места в страже по достижению установленного возраста. Потому лотерея «Добры молодцы» – замечательный шанс для малоимущих улучшить своё финансовое положение. Кроме того, неплохой способ сдерживания насилия со стороны знати, которую хлебом не корми – дай потискать молоденьких.

Пару раз (а начиналась эта весёлая забава для нас, элиты,

с шестнадцати) мне удавалось как-то от неё отвертеться. То в поход уйду, то в библиотеке затеряюсь. Но в этот раз папаша твёрдо решил приобщить меня к народной традиции. Придётся теперь рандомно, то есть якобы случайно, по системе слежения выбрать какую-нибудь убогую серость (или если повезёт – серую убогость) и всю ночь декламировать ей Есенина. Не то чтобы я не представлял, что надо с ними делать. Я ж всё-таки всю отцовскую библиотеку облазил, да и у соседей бывал неоднократно. В библиотеках. Только вот лично для меня необходим романтизм в отношениях. За что меня братаны дурачком кличут. А в остальном я, конечно, царевич.

2. В этих полуфилосовских рассуждениях и застал меня папаша.

– Собирайся, Вань. Со Степашкой на Шереметевскую свалку поедешь.

– Па, да я ещё не завтракал. Что за спешка? – жутко не хотелось никуда ехать. Погода неприятная – дождь моросит, грязь. Да ещё на свалку.

– Ничего, – отмахнулся от моих возражений отец, – возьмишь с кухни пару пирогов. Яков всё ещё покусанный в лазарете, брату подстраховка нужна.

Яков, правая рука брата, здоровенный детинушка двадцати шести лет от роду, пострадал во время рейда на логово волков, терроризировавших фермы у западной границы цар-

ства. Его угораздило упасть в овраг в самую гущу тварей. Пока остальные бойцы спускались, Яков голыми руками расправился с десятком волков. Однако, ему тоже от них изрядно досталось.

– Ну какой из меня помощник в таких делах? Яшку ж я не заменю – я на два пуда легче, да и вид у меня совсем не грозный.

– Не прибедняйся, сына, – батя хохотнул и похлопал меня по плечу. – Кто на прошлой неделе инструктора по рукопашке в нокаут отправил?

– Я тут ни при чём. Он сам, – здесь я почти не наврал.

Инструктор решил применить против меня хитрый бросок. Безусловно, если бы я сопротивлялся, у него бы всё получилось. Однако в момент броска я повис, как сдутый шарик, и всем телом рухнул ему на ногу. А он, падая, ударил меня затылком в колено. Видимо, тоже какой-то хитрый приём.

– Охотно верю. Живо собирайся, не заговаривай мне зубы, – отец развернулся и вышел.

Ну, и кто я такой, чтобы с царём спорить? Правильно, царевич.

Я накинул на плечи дождевик, влез в сапоги и направился на кухню.

– Жанка, гони харчи в дорогу!

Жанна, трёхобхватная повариха с африканскими чертами лица (кожа у неё, впрочем, просто смуглая), с неожиданной грацией выпорхнула из погреба, на ходу управляя передник.

– Ванюша пришёл! Попотчую милого дружка! Пироги с мясом бери, с ягодой, блины с морковкой, огурчики маринованные не забудь, яблочки мочёные, и яички перепелиные, в них же витамины...

– Стоп! – прервал я порыв гостеприимства. – Достаточно пирогов и кваса. Не на месяц еду.

– Ну, хоть картошечки ещё варёной возьми! Худющий же, слёзы наворачиваются...

– Спасибо, но нет.

– Ну, хоть сидра возьми, всё веселее в дороге будет, – и мощная длань милой кухарки втиснула в дорожную суму бутыль.

На этом я поспешил исчезнуть из кухни. Ладно, не самому нести. Всё ж не пешими царевичи по своим владениям передвигаются.

Степан уже ожидал меня в седле своего боевого быка Тишки. Я даже немного залюбовался. Высокий и плечистый Степан на мощном животном навевал мысли о древних героях. Брат совсем не героически ковырял пальцем в ухе. Его рогатый напарник вяло жевал и изредка похлопывал себя по бокам увесистым хвостом, выбивая из шкуры фонтанчики воды.

– Шлёпанцы Суворова! Быстрее, увалень малолетний! Сколько тебя можно ждать? – проявил недовольство старший.

Можно подумать я где-то книжку читал. Как только батя-

ня велел, сразу и отправился. Ну, может, потерял пару минут у Жанны. Но тут уж либо так, либо совсем уж голодным ехать. От неё ещё никто просто так не уходил.

Впрочем, оправдываться я не стал. Смысла нет. Конюх Евлашка подвёл моего ослика Ницше, я взобрался ему на спину и легонько хлопнул по подрагивающему боку.

Степан лягнул бычка пятками, тот издал протяжный гудок и, никуда не спеша, пошёл вперёд. Тоже мне, корабль свалок... Ницше пристроился чуть сзади и слева, якобы соблюдая тактику прикрытия, а на самом деле просто чтобы не попадать в Тишкины лепёшки.

3. Так, пожёвывая и позёвывая, мы добрались до Шереметевской свалки. Дождь к тому времени прекратился. Кое-где из кустов зачирикали пичужки. Жирная ворона на горе тряпья расклёвывала кусок мяса. Облезлая кошка смотрела на неё в оба глаза, мотая обрубок хвоста, но подбираться ближе не решалась.

– Значит так, – прервал молчание Степан. – Сейчас мы подъедем к лагерю шаромыжников. Нам нужен Егор – их старшина. Он, скорее всего либо в кабаке, либо у себя на малине. Ты внутрь не заходишь. Ждёшь снаружи. Ни во что не вмешиваешься. Со своим уставом никуда не лезешь. Понял?

– Да понял... Зачем, спрашивается, я тебе вообще нужен был? Сидел бы сейчас в тепле, книжку читал, – позволил я

себе поворчать, но негромко и недолго.

— Отец переживает, что ты такой для дела не годный. Хочет, чтобы приучался к труду и обороне. Но мне такие помощники не нужны, — Степан был как всегда твёрд и суров.

Тем временем мы уже проезжали вдоль рядов палаток шаромыжников — так у нас зовут собирателей разных диковинок, которые выбрасываются на свалку из Верхнего Мира.

Да, совсем забыл разъяснить, почему наши свалки приносят такую гигантскую прибыль. Всё дело в том, что над нашими смиренными земными головами летают воздушные города Бессмертных. Может, конечно, они не столь уж и бессмертны. Кто их разберёт. В наших краях их давно не видели. Сказки всё больше пугают, но на то они и сказки.

По большому счёту, нам их существование даже выгодно. Потому как эти небожители порой выбрасывают на наши свалки весьма любопытные вещи. Их собирают шаромыжники. Что-то продают сразу, что-то разбирают и продают по частям. А мы собираем с них налог за защиту.

Зачем выбрасывают? Да уж не от щедрости. Скорее всего, что-то ломается. Мы ведь не знаем всех возможностей этих вещей. Нам хватает и того, что остаётся.

Около самой большой палатки толпился народ. Мы остановились шагах в пяти от толпы и спешили. Тишка сразу поплёлся к кусту сирени и стал обрывать листья. Ницше сказал «Йа-йя!» и встал рядышком с ним. Никто их теперь не тронет — бычка и его хозяина знают все, а ослик под за-

щитой рогатого.

Степан ещё раз сказал мне «Жди здесь» и пошёл к большой палатке, рассекая толпу. Я хотел было присесть в сторонке, но не нашёл ни единого чистого или сухого места. Просто так стоять не хотелось. Я достал из сумы последний пирог с ягодами и неспешным шагом двинулся по окрестностям.

4. – Ох ты ж мать моя, кибернетика! – вырвалось у меня любимое присловье нашего придворного техника Кулиба.

На вершине горы из останков в основном непонятных вещей блестел серебристый шар около двух метров в диаметре и подмигивал красными лампочками. Похоже, приземлился он совсем недавно. Но шума приземления я не слышал. Да и никто из шаромыжников, по всей видимости, тоже. Иначе здесь бы уже кипела работа.

Я стал осторожно подниматься по скользким после дождя останкам чего-то там когда-то там кому-то там нужного. Уже издали стало понятно, что шар внутри полый. В стенке – круглые оконца, сквозь которые и проблескивали замеченные мной лампочки на панели неизвестных приборов. Кресло перед панелью оказалось пустым.

– И где водитель Колобка? – я почесал в затылке и с высоты мусорной кучи оглядел окрестности.

Внизу, со стороны противоположной той, с которой я поднимался, мне почудилось движение. Какая-то фигурка,

похожая на мальчишескую, прошмыгнула в сторону остова огромной, некогда самодвижущейся, телеги. Стараясь не потерять её из виду, я поскользился по гребню мусорных волн.

Огибая очередное препятствие, преследуемый налетел на четверых шаромыжников и, пискнув, опустился на пятую точку.

– Так-так, кто это тут у нас? – попытался сделать дружелюбное лицо самый здоровый из них.

Ни дружелюбного, ни лица у него не получилось. Страшная морда ослабилась, и её обладатель приподнял налетевшую на него мелюзгу одной рукой. Мелюзга ещё раз взвизгнула, сверкнул электрический разряд, и обладатель страшной морды, сохранив звериный оскал, осел на землю.

– Вали этого гада мелкого! – взревел кто-то из оставшихся мужиков и поднял над головой незнакомца, пытающегося выбраться из-под туши здоровяка, стальную трубу.

«Ну и зачем мне это?» – промелькнуло в голове, а рука сама метнулась в суму и достала бутыль сидра.

– Граната!!! – заорал я и метнул снаряд в мужиков. Бутылка разбилась вдребезги о голову пытавшегося придти в себя громилы и окатила остальных обильной пеной.

Здоровые, мрачного вида мужики с воплями исчезли за рядами хлама. Я осторожно спустился вниз, но кроме лежащей туши больше никого не обнаружил. Правда, кто-то шевелился внутри разбитого корпуса старой телеги с надписью ГАЗ-3110 на торце. Я рванул вверх дверцу и увидел

внутри чумазую девушку в лохмотьях. Грязное пятно во всю щёку, патлы давно не мытых волос, здоровенная бородавка на носу-пуговке... Почему я сразу понял, что это чучело – девушка? Ни за что не догадаетесь. На голове этого недоразумения возвышался кокошник.

– Здравствуй, красавица, – вежливо поприветствовал её я. – Тут парнишка не пробегал?

Красавица выпучила на меня глазища, из левой ноздри выдулся пузырь, а изо рта раздался надтреснутый квакающий голос:

– Не видала. Спала. Давно здесь.

– Вижу, что давно. Ладно, спи дальше.

Тут я почувствовал густой аромат великолепного сидра, и мне на плечо легла огромная ладонь.

– Зёма, что я тут делаю?

– Не знаю, приятель. Ты тут уже лежал, когда я пришёл, – видимо, электрошок и последующий удар сидра в голову отрицательно сказались на памяти громилы. Но на характере – ни капельки.

– Какой я тебе приятель? Ты чо тут ваще делаешь? Я тебя тут не видел. Ходят тут всякие пришлые, девок нам портят. И мы должны это терпеть?

– Терпение и труд, а ты стой тут, – вздохнул я, собираясь пройти мимо. Но детинушка загородил дорогу.

– Сапоги у тебя больно хороши, – он опустил голову, разглядывая мои ноги. – Когда ты мне их подаришь, я забуду

о твоей наглости.

– Договорились, – не стал возражать я. – Напиши адрес, куда прислать. С ближайшим скороходом отправлю. Что молчишь? Адрес, брат, адрес!

Брови громилы нахмурились и окончательно скрыли маленькие злые глазки. Правая рука сгребла меня за шиворот и потянула к своему хозяину. Я не возражал. Даже помог. Не я виноват в том, что моё колено при этом впечаталось детинушке промеж ног, а голова совершенно случайно мотнулась и легонько, так что у меня самого звёздочки перед глазами заплясали, долбанула его в нос. Кровь полилась как-то нехотя. Коленки у мужика подогнулись, и он повис на мне. Я с трудом удержался на ногах. Тут открылась дверь телеги с именем ГАЗ-3110 и всё-таки уронила его на землю, оторвав от меня. Выглянувшая из-за двери чумазая физиономия в кокошнике заговорщицки шмыгнула носом и убралась обратно.

– На стол головушка склонилась, и на пол с грохотом свалилась, – процитировал я любимого поэта, – Пора смываться, пока дружки твои не вернулись. Как бы с ними не столкнуться по дороге...

Я огляделся в поисках пути отступления. Решение пришло быстро. Я, собственно, вернулся по своим следам. Сначала по склону вверх, потом по гребню до шара... А где же шар? Никакого Колобка не было. Вряд ли я перепутал место.

– Укатился Колобок, – с сожалением проговорил я и по-

брёл к тому месту, где должен был ждать Стёпу.

Брат уже стоял около Тишки.

— Шлёпанцы Суворова! Я ж велел ждать здесь, — он сурово взглянул на меня и запрыгнул в седло. — Свалка небезопасна.

Хорошо, не добавил «для мальчиков». Ладно, старший всегда остаётся старшим. Главное, поездка не была скучной. Жаль только, что колобковода поймать не удалось. Кто это был? Зачем к нам прикатился? Нет ответов. Надеюсь, со временем они появятся.

5. И вот он настал, день «Х». Двадцать семь добрых молодцев, включая троих царевичей, собрались у мониторов службы безопасности. Кулиб запускает «рандом», как он называет свою как бы случайную выборку. Почему «как бы»? И что вообще тут происходит? Постараюсь объяснить подробнее.

Собственно, мы не самое бедное государство. У нас даже есть своя система безопасности. Сеть видеокамер передаёт на пульт картинку из разных районов. В каждом районе где-то по 2—3 камеры с функцией распознавания людей. В том смысле, что человека от собаки или дерева отличают. И могут поставить метку, чтобы потом можно было отслеживать цель. А специально для добрых молодцев Кулиб, который и швец, и жнец, и на свадьбе певец, разработал программу, которая случайным образом помечает существо о двух ногах и руках. Бывают, конечно, ошибки. Программа метит

особь мужского пола. Но мы ж не содомиты проклятушие, поэтому в этом случае молодцу даётся второй шанс на случайный выбор. И третий.

Но, как правило, до этого не доходит. Потому что Кулиб, хитрец этакий, предусмотрел лазейку. Обычно молодцы заранее присматривают себе пассию, и за небольшой взнос на нужды науки программа совершенно случайно выбирает именно её. Бывали удачные случаи, когда несколько претендентов выбирали одну кралою. Тогда Кулиб устраивал аукцион и порой неплохо обогащался. Очень мало осталось любителей честной игры, экстремалов интимного жанра, кто полагается на слепой случай. Только по молодости и незнанию, либо, как Вольдемар «Утырок» да Прошка «Закидон», из ухарства молодецкого. Кстати, некоторые предприимчивые родители тоже договариваются кто с молодцами, а кто с Кулибом. Царь-батюшка, разумеется, имеет долю в этом замечательном бизнесе.

Дальше добры молодцы выходят на царский двор, на специальный помост, берут луки особые, стрелы специальные и запускают их как бы наугад. Стрелы сами берут направление на помеченную цель. Раньше бывали казусы. Стрела могла выбить молодой невесте зуб или глаз, напугать до икоты, клюнув в мягкое или не очень место. Поэтому Кулиб ещё поколдовал, и теперь стрелы притормаживают на подлёте и только легонько толкают цель, как бы намекая...

Не знаю, с какого перепугу и кто это придумал. Может,

отец. А может, кто до него. Но вряд ли создатель оной традиции мог предположить, в какой дополнительный доход выльется сие увеселительное мероприятие. Самое главное, деньги отдают с большим удовольствием. И все счастливы.

Так вот. День настал. Мы стояли у экранов и ждали начала. Молодцы оживлённо переговаривались, делясь предвкушениями. Я стоял в сторонке.

– Выбрал кого? – шёпотом спросил меня Кулиб, появившийся из двери. Я пожал плечами. – Как Утырок с Закидонном будешь экстримом заниматься?

– Последним буду. Может, кого присмотрю к тому времени. Подсобишь?

– Не вопрос. Молодым везде у нас дорога.

Первым был Степан. Замелькали на экранах силуэты, лица, заиграла весёлая музыка. Потом мелькание замедлилось, и мы увидели девушку в теле, заполнившую собой все экраны.

– Марфа, дочь боярина Отрыжкина, – продекламировал Сафон, наш глашатай по связям с общественностью.

Степан довольно осклабился и толкнул в плечо Гаврилу Отрыжкина, брата своей пассии. Тот тоже хохотнул и потёр ушибленное место.

Следующим был Абрам. Мелькало дольше, но жребий выпал вполне ожидаемый.

– Сара, дочь купеческая! – пополнение в казну и льготы семейству купца Мендельсона. Очень выгодно всем, кроме

купцов-конкурентов. Впрочем, Абрам и их не обидит.

– Ну, Иван, давай теперь ты, – подал голос отец, сидевший в уголке вместе с двумя приближёнными боярами.

– Я последним буду, – вяло ответил я.

– Как знаешь, – вздохнул царь и повелел: – Продолжайте!

После были боярские дети и дворяне. Конечно, и экстремалы наши. Утырку выпала танцовщица из бара с Шереметевской свалки. Возможно, не вполне слепой случай. Закидон же нервно хихикнул, увидев свой выбор. Это была огромная тётка, шириной похожая на нашу кухарку, но ростом, пожалуй, со Степена, а то и выше.

– Вера, глава кожевенной гильдии! – продекламировал Сафон.

– Хана Закидону! – съехидничал Гаврила Отрыжкин, и зал взорвался хохотом.

– Пацаны, вечером все ко мне на поминки в «Скрипучую телегу»! – прокричал Закидон, тоже загоготал и пошёл на двор запускать свою роковую стрелу. Почти все, забыв про меня, отправились за ним.

– Ну, сынок, ты уже взрослый. Твой черёд судьбу пытаться, – промолвил царь.

– Выбрал кого? – тихо спросил Кулиб. Не успел я ответить, как началось мельтешение картинок. Кулиб недоумённо уставился на свои руки. – Я ничего не делал, – обалдело пробормотал он. Вскоре мельтешение закончилось, и на экране я увидел знакомую немытую физиономию.

– Василиса, сирота, – неуверенно прочитал Сафон, оглянувшись на уставившегося в экран царя.

– Сбой какой-то, – пролепетал Кулиб, щёлкая по клавиатуре.

Немытая физиономия хлюпнула носом, сопливый пузырь из левой ноздри лопнул и картинка исчезла.

В смятенье чувств я вышел во двор. Добры молодцы уже вовсю запускали стрелы. Кое-кто уже и за невестой отправился, кто в одиночку, а кто с друзьями. Повсюду слышались смех, дружеская перебранка, разухабистые и распахабистые частушки.

– Эх, пропадай, головушка! – я тоже наложил стрелу, натянул тетиву и запустил свою судьбинушку на ближайшие два годка в небо.

Вопреки ожиданиям она вовсе не повернула в сторону Шереметевской свалки. Стрела взяла курс на запад, к Тараканьему лесу, и быстро скрылась из виду.

– Вот свезло так свезло, – пробормотал я и снова вернулся к Кулибу.

– Что случилось? Аль тетива порвалась? – ухмыльнулся техник.

– Глянь, где моя стрела. Что-то больно резво она рванула к Тараканьему лесу.

– Да? – удивился Кулиб. – Интересно, что она там забыла. Он имел в виду, конечно, не стрелу, а Василису-сироту. Было чему удивиться. Во-первых, место опасное, никто туда

просто так не ходит. Во-вторых, камер там нет. Совершенно не понятно, как система выбрала не находящееся под наблюдением существо.

– И правда, в лесу, – Кулиб проверил местоположение стрелы, – Сейчас карту распечатаю. Только не ездил бы ты туда один.

– Да кто сейчас со мной поедет? Все за невестами отправились, – вздохнул я. – Ничего, вдвоём с Ницше справимся как-нибудь.

– Да уж. Тот ещё помощник, – Кулиб оторвал от рулона кусок с распечатанной картой. – Похоже, болото. Странно это всё...

– Ладно уж. Если завтра к утру не вернусь – скажи отцу, пусть поиски организует что ли, – я открыл дверь и отправился на конюшню.

6. Ницше неторопливо трусил по пыльной дороге. Каркали вороны, предвещая беду. Никогда не верил предсказаниям пернатых воровок. Однако на сердце было беспокойно. Тараканий лес – гиблое место. После Последней войны там развелись очень опасные твари. Гигантские тараканы, в честь которых лес получил своё название, из них не самые страшные. И даже не самые противные.

Я, конечно, немного подготовился. Но, тем не менее, поездка не обещала быть лёгкой. Дабы скоротать время, я фальшиво напевал песню:

Чёрный ворон, что ты вьёшься
Над дурною головой
Прочь лети или нарвёшься
Первый камень будет твой

Я достал свою рогатку
Положил в неё кирпич
Ты получишь по сопатке
Подстрелю тебя как дичь

Тараканий лес встретил меня гнетущей тишиной, резким плесневым запахом и кислотным цветом листвы. Ницше с философским спокойствием вышагивал по заросшей дорожке. Тишина напрягала, запах нервировал. Я даже сначала раз пять чихнул. От ярких и самых неожиданных красок листвы и стволов слегка кружилась голова. Но пока всё шло хорошо.

Вдруг сверху раздался шорох. Ницше резво отскочил влево, и на то место, где мы только что стояли, свалился огромный таракан.

– Отведай тапка богатырского! – завопил я и опустил промеж длиннющих усов булаву.

Хрустнул хитиновый панцирь, брызнула белёсая жидкость и мерзкая тварь, дёрнув лапищами, перевернулась кверху пузиком.

– С меня морковка, дружище! – я погладил ослика между ушей. – Самая сладкая!

Ницше кивнул, потом покосился куда-то за спину и, испуганно выпучив глаза, а возможно даже икнув, понёсся вперёд.

– Куда? – не понял я. Но, оглянувшись, одобрил: – Скорее!

Сзади накатывался комок из грязно-бурой шерсти, когтей и усиков. Крысы накинулись на тушку убитого таракана и облепили её со всех сторон.

– Хороший у ребят аппетит...

– Йа-йа! – Ницше был полностью со мной согласен.

– Сверимся с картой. Куда теперь? Что-то я слегка потерялся, – повертев распечатку Кулиба, я задумался. И тут не так далеко раздался знакомый голос.

– Прочь, окаянные! Отдай, кокошник, склизь болотная! Куда язык суёшь?! – раздался странный звук, нечто среднее между рыком и кваканьем.

– Похоже, мы её нашли. Вперёд, Ницше! – я похлопал ослика по боку.

Он чуть быстрее, чем неспешно, пошёл на крик. Вскоре под его копытами захлопало, и этот философ, недолго думая, сделал несколько шагов назад, на сухое место. А потом просто сел на пятую точку, ссадив меня в фиолетовую траву.

– Спасибо, что не в лужу! Ты настоящий друг!

Но Ницше не понял моей иронии. И, вроде как поторапливая меня, вновь произнёс своё коронное «Йа-йа».

– Жди здесь! – повелел я сурово и пошлёпал в сторону болота.

Когда я выбежал на небольшую полянку, окружённую со всех сторон водой, там творилось полное безобразие. Моя недавняя знакомая, а теперь невеста, разгоняла наседавших на неё огромных, с телёнка, лягушек. Она не без успеха отмахивалась своей дорожной сумой. Судя по тому, как разлетались в стороны получившие в лоб земноводные, внутри было что-то очень тяжёлое. Одна из тварей плавала неподдалёку кверху брюхом, покачиваясь на волнах. Другая лягушка, точно коза на привязи, нарезала в паре шагов круги, припиленная сучком сквозь язык.

– Держись, эта... как тебя там... Васька, уже бегу! – воскликнул я и в три прыжка одолел разделявшее нас расстояние. Чудом увернувшись от просвистевшей рядом сумищи, я огрел пытавшуюся встать лягушку палицей, размозжив ей голову.

– Принц, сзади! – воскликнула моя невеста. Липкий язык обвился вокруг моей лодыжки и чуть не опрокинул. Но валенок придавил его к земле в паре сантиметров от захваченной ноги. – Руби его!

– Нечем! У меня только палица! – я принялся делать отбивную.

Вконец измученное животное так дёрнуло израненный язык, что мы с Василисой оба полетели на землю, а лягушка, пуская пузыри, исчезла в трясине. Не успели мы порадо-

ваться, как из воды выскочило земноводное больше предыдущих и придавило меня своей тяжестью. Уже задыхаясь, я услышал свист. Почувствовал, как от удара содрогнулась туша чудища. А потом лягушка обмякла. Легче мне от этого, правда, не стало. Сбоку появилась моя замарашка.

– Что это было? – прохрипел я.

Василиса шмыгнула носом и, улыбаясь, показала мне зажатую в руке путеводную стрелу. Интересно, как это я смог её обогнать? Или она всё это время круги вокруг нас нарезала?

Совместными усилиями мы кое-как отодвинули тушу. Хватая ртом воздух, я махнул рукой, призывая следовать за собой. И, ругаясь, поплёлся к Ницше.

– Какого лешего тебя сюда понесло? – моему возмущению не было предела. Мы шли по разные стороны от ослика, постепенно продвигаясь к краю леса. – Зачем тебе эти лягушки?

– Грибочки, ягодки, – пробормотала моя невеста. – Гуляла, опять же...

– Гуляла она. Такие прогулки могут очень плохо кончиться, – я назидательно поднял палец и замер.

– Умная мысль шибанула? – девушка с недоумением вззидалась на меня. – Что встали?

– Бегом! Скорее! – рывкнул я, дал пинка Ницше, попытался достать Василису, не смог, и помчался вслед за ними.

– Почему бежим? – на ходу спросила замарашка.

– Паук! – коротко ответил я.

Объяснять, что эти мерзкие твари ощупывают местность в поисках жертвы невидимой ниткой паутины, которую и почувствовать то очень сложно, не хватало ни времени, ни дыхания. Паук нас засёк и наверняка уже двигался в нашу сторону. Я каким-то чудом почуял следящую нить. Надеюсь, не слишком поздно.

Мы уже почти достигли края леса, когда влетели в паутину. Восьмилапый охотник нас обыграл.

– Принц, замри! – тихонько скомандовала Василиса.

Я послушно застыл. Так мы вдвоём и висели, затихарившись. Только Ницше вопил как резаный и бился в истерику. А ещё философ. К нему-то и направился появившийся вскоре огромный паучище. И как только такую тушу нить выдерживает.

Стараясь двигаться как можно незаметнее, я дотянулся до сумы. Карманный арбалет скользнул в мою ладонь. Я взглянул на маленький болт, лежавший в ложе, и разочарованно цыкнул. Потом мой взгляд упал на стрелу, благодаря которой я оказался в этой ситуации, на наконечник, корпус которого потрескался и погнулся от удара об огромную лягушку.

– Как там говорил Кулиб? Соединяешь красный с жёлтым, запускаешь и молишься, чтобы сработало? – постарался я вспомнить науку нашего техника. Обломив древко, я кое-как втиснул стрелу на ложе арбалета.

– Интересно, – раздалось рядом.

Повернув голову, я обнаружил свою невесту, стоявшую рядом с паутиной совершенно свободной. Челюсть моя отвисла, но тут Ницше перестал орать, окончательно спеленатый пауком.

– Отпусти осла!!! – заорал я, вскинул арбалет и выстрелил.

Стрела нехотя вылетела из ложа, ударилась о брюшко паука и запуталась в волосах. Пару секунд ничего не происходило, а затем сверкнуло, и аккумулятор блока питания стрелы разрядился в восьмипалого. Не знаю уж, какой там заряд, но через паутину досталось даже мне, не говоря уж о Ницше, который находился совсем близко.

Когда я пришёл в себя, мы с осликом лежали рядышком на травке чуть ли не в обнимку. Васька стояла рядышком с тушкой запечённого паука и с азартом в ней ковырялась.

– Надо уходить! – прохрипел я и попытался растормошить Ницше.

Бесполезно. Он явно был жив, уши его периодически потряхивались, ноздри трепетали. Но выбираться из сетей Морфея мой ослик категорически отказывался. Я с трудом взвалил его себе на плечи и, шатаясь, словно маятник в баюшкиных часах, поплёлся прочь из проклятого леса.

Никто нас больше не преследовал – весть о смерти восьмипалого охотника ещё не долетела до остального зверья. Кто-нибудь вряд ли осмелился бы отбивать у него добы-

чу. Но вот когда местные зверюшки узнают, что территория освободилась, здесь будет тесно. И опасно. Поэтому лучше времени не терять.

– Подожди меня, принц! – раздалось сзади. Вскоре Василиса догнала меня, а ещё через полсотни шагов мы покинули Тараканий лес.

7. Только к ночи мы добрались до палат. Отовсюду доносились звуки веселья, распития, а кое-где и мордобития. Весь этот праздник прошёл мимо нас. С трудом переставляя ноги под грузом ослиной тушки, я с громом упёрся лбом в дверь кухни. По крайней мере, мне именно так показалось. Но за шумом празднования гром, видимо, никто не услышал. Василиса, видя, что дверь не открывают, подошла к окошку и постучалась. Через томительных полминуты дверь открылась. Внутрь. Туда-то я ввалился, как безбашенный ныряльщик. Ницше сделал невероятный кульбит, встал на лапы и невозмутимо отправился на конюшню.

– Нигилист! – почему-то пробурчал я.

– Ах ты ж, батюшки! Ванюша, солнышко, что с тобой? – забегала вокруг меня Жанна.

– Спокойно, мамаша! – остановила её Василиса. – Отставить панику! Баньку принцу, да поживее!

– Да, точно, баньку! – Жанна собралась было бежать, но подозрительно глянула на командующее чучело: – А ты кто такая?

– Невеста я. ЖИВО!!!

Такого рёва от этой мелкой замарашки я не ожидал. Жанна тоже. Кухарка сорвалась с места и помчалась за банщиком, по пути поняла, что он гуляет вместе с челядью царевичей, промчалась в зал, через минуту вернулась с ним под мышкой.

– Спит, сволочь. Нахрюкался, – проворчала она и бросила свою ношу под кустик акации. – Ну-ка, милочка... давай помогай.

Вдвоём с Василисой они натаскали дров, воды. Вскоре вместо бани я отмокал в большом ушате. Сквозь марево пара и усталости мне померещилась прекрасная русоволосая и ясноглазая девушка, подносящая мне изящный бокал вина...

– Отварчику хлебни, принц, – донёсся квакающий голос, и видение растаяло. – Бодрит.

Отвар действительно бодрил. Изысканным это питьё назвать было нельзя, но зелье было достаточно приятным, с кислинкой. Кружка в руках тряслась и стучала о зубы. Мышцы после таскания вредного осла ныли.

Спустя полчаса вода остыла, отвар был выпит, и никакого смысла дольше сидеть не было. Больше никто возле меня не хлопотал, не жалел, не пробовал накормить или напоить. А перекусить бы не мешало. Завернувшись в лежащую на лавке простыню, я вышел из комнаты кухарки, в которой принимал ванну, на кухню. Обе дамы сидели за столом и ре-

вели.

– Что-то случилось? – тревожно спросил я.

– Эх, доля наша бабская, – промычала сквозь слёзы кухарка. – Как девочка настрадалась... А мачеха-то какова!? Зимой, да за подснежниками! Да на упряжке из мышей! – я подозрительно уставился на Жанну, однако она не обратила на мой взгляд никакого внимания. – И правильно, что сбежала, девочка! Береги её, Вань. Вы, конечно, мужики, козлы непонимающие. Ничего не смыслите в наших проблемах. Но ты, Ванюш, ведь не такой! – и тут же, обернувшись к Василисе: – А если обидит – приходи, сковородку дам.

– Жан, поесть бы...

– Ох ты ж, батюшки! Ребёнок не кормленный! Заболтались бабы! – засуетилась кухарка и помчалась к печи.

– Смотрю, нашли общий язык, – улыбнулся я, обращаясь к невесте. – Жанна добрая. Главное, не хозяйничай при ней на кухне – может зашибить.

– Это правильно, – Василиса смачно зевнула и шмыгнула носом. – Мне бы прилечь.

– Пойдём, отведу тебя, пока Жанна готовит.

Мы прошли по тёмному коридору до моей двери.

– Не представляю пока, как буду делить с кем-то своё жилище, – честно сказал я. – Заходи, располагайся. Но слишком тут не командуй. Не забывай, что муж – голова.

– А жена шея. Куда хочет, туда и вертит, – проявила неожиданную осведомлённость Василиса. И тут же заговор-

щицки подмигнула. – Не бойсь, прынц! Повернѐм куда надо!

– Кому надо? – с подозрением спросил я, не ожидая, впрочем, ответа. – Ты б это, тоже помылась, что ли... Чернее чёрта...

– Ваня, всё готово! – донеслось с кухни. Я махнул рукой и отправился подкрепляться.

Жанна, как всегда, порадовала. Прошёл час, прежде чем я справился с борщом, пельменями и квасом с блинами. Пророкотав сытое «спасибо», я с трудом встал из-за стола.

– Ты уж девочку не обижай и никому в обиду не давай, – ещё раз напутствовала меня кухарка. – Она столько перенесла, столько выстрадала... Мачеха эта, дочери её вредные... Тыква, опять же, гнилая попалась... Короче, тебе, царскому сынуле, и не снилось. Ты уж будь ей защитой и опорой.

– Жан, ну ты ж меня знаешь.

– Знаю-знаю. Но предупреждаю. А то сироту всякий обидеть норовит. Ну, ступай, – она обняла меня, будто прощаясь, и смахнула слезу.

Эк её проняло. Интересно, чего ей Василиса наплела? Какие подснежники? Какие тыквы?

Я потихонечку, стараясь не шуметь, отворил дверь в свою опочивальню. Кровать была пуста. Под письменным столом похрюкивала, похрапывала и посапывала Василиса. Хмыкнув, я разделся и лёг под одеяло. Вопреки ожиданиям, похрапывание девушки действовало убаюкивающе. Уже через пару минут я заснул.

8. Я шёл среди полыхающих домов, покрываясь потом от нестерпимого жара. Чёрные тени плясали вокруг в свете пожара. Кроме треска полыхающего дерева никаких звуков. Ни живых, ни мёртвых людей или животных.

А городок, между тем, был определённо наш. Вот расцвели алым цветком хоромы боярина Отрыжкина. Обвалился балкон, и через открывшуюся в стене дыру стало видно, как пламя облизывает старинные гобелены на стенах. А вот неказистая избёнка пьянчуги Фомы. Здесь пламени почти не было видно, зато дыму и копоти хоть отбавляй.

Пройдя по центральной улице, я оказался у царского подворья. Догорали хозяйственные постройки, конюшня только-только занималась. Но и здесь – ни коней, ни людей. Небольшой сквер выгорел полностью. Из окон каменных палат рвётся наружу пламя.

– И что я здесь делаю? – я почесал макушку. – Спасать некого. Тушить нечем. Что за бред?

Вдруг сзади меня послышался мощный удар, земля содрогнулась. Я еле устоял на ногах. Обернувшись, увидел воронку диаметром метров в пять и глубиной чуть больше моего роста. В центре воронки дымился шар, похожий на тот, что я видел на Шереметевской свалке, только больше.

– Привет лунатикам! – я подошёл к краю воронки, вглядываясь в дым.

Вдруг раздался скрежет, часть шара со свистом полете-

ла в мою сторону. Дабы не быть раздавленным или ушибленным, я упал и откатился в сторону. А когда встал, передо мной стоял высокий тощий человек в доспехах из неизвестного мне материала. По крайней мере, мне показалось, что человек. Я успел отметить бесстрастное незапоминающееся лицо, сверкающую в отблесках огня лысину и эмблему со щитом и большими буквами КЩ-02 на левой стороне груди. Существо схватило меня за грудки и без особого усилия отправило в полёт.

Я очнулся от приятно-прохладного, влажного прикосновения ко лбу. Не торопясь открывать глаза, облизал пересохшие губы, вдохнул полной грудью сырой болотный воздух.

– Ква! – раздалось над правым ухом.

– Что? – не понял я и открыл глаза. Рядом со мной сидела громадная лягушка и поглаживала мне лоб своей перепончатой лапой. – Сгинь! – крикнул я, получил звонкий поцелуй длинным липким языком в щёку и на этот раз проснулся.

Василиса, всё такая же непричёсанная, немытая и не переодетая, сидела на подоконнике с книжкой в руках, временами тихонько похрюкивая. Я пригляделся к обложке. «Мифы и легенды Верхнего мира», протодиакон Антуан Пустопорожний. Вроде, серьёзное произведение серьёзного исследователя, утверждавшего, что бывал в одном из Верхних миров.

– Доброе утро! – сказал я, потягиваясь. – Что тебя так развеселило?

– «А люди там живут сплошь бессмертны, а смерти их в иглах, а иглы висят на сосне на острове Крым», – процитировала моя невеста.

– И чего смешного?

– Да всё. Бессмертных людей не бывает. Смерть не может быть в игле, а тем более в сосновой. Сосны регулярно обновляют свои иголки. И Крым – полуостров.

– Ну, согласен. Домыслов и неточностей много. Насчёт бессмертных – никто же не знает, смертны они или нет. По крайней мере, ни одного мёртвого бессмертного мне не попадалось. Конечно, никто бы этому Антуану не сообщил настоящее расположение своей смерти, если она где-нибудь спрятана. А насчёт Крыма ты откуда знаешь? – легенды об этом райском месте давно будоражили умы, но никто из моих знакомых достоверных сведений о нём не имел.

– Да так, земля слухами полнится, – пожала плечиками Василиса.

– Ну, так и твои слухи могут оказаться домыслами. Как и наши легенды.

– Вряд ли, – самоуверенно хмыкнула девушка. – А вот это как тебе? «А в домах у них стоят окна. Куда они захотят, могут в них посмотреть и кого хотят, могут через них наградить, либо смертью лютою убить.»

– Ну и что? Даже у нас вон сколько камер понатыкано. А у этих Верхних их, поди, и того больше.

– Но ведь не везде? Это сколько камер надо? И далеко

не каждый может через них смотреть. И как через них награждать?

– То есть, насчёт убивать ты не споришь?

– Дурное дело не хитрое. Дрон поближе подвести и хелфайр запустить, – произнесла Васька непонятное.

Я с подозрением уставился на неё, но тут за окнами раздался рёв труб.

– Его царское Величество, повелитель Шереметева и Обрыдлова, реп Чуднинских, покровитель купцов и меценат искусств, Никанор Долготерпимый, объявляет смотрины невест сынов своих! – надрывался под окнами Сафон. – Царевичам Степану, Абраму и Ивану надлежит явиться пред отцовы очи во время утренней трапезы!

– Кажется, началось... – скривился я.

– Что началось? – Василиса вопросительно посмотрела на меня.

– Да опять «А ну-ка, девушки»... Сейчас раздаст задания. Без конкурсов и викторин нам, видите ли, скучно...

– Что за задания? – проявила моя невеста интерес к нашим чудесам.

– К примеру, в прошлый раз братьевы жёны вычищали свинарник и собирали мухоморы, – улыбнулся я. – В позапрошлый – ловили диких гусей и выращивали тыквы.

– Забавные у вас конкурсы, – потёрла нос Василиса. – Подожди, а кто были жёны братьев в прошлый раз?

– За Степаном – Фёкла, дочка дружинного сотника Ва-

ренберга. А за Абрамом – та же Сара Мендельсон.

– О как! А говорят, снаряд два раза в одну воронку не падает! – изумилась моя невеста.

– Просто не сложилось что-то у них в прошлый раз. А старик Мендельсон согласно договору жаждет внука, – объяснил я.

– Гы, даже тут договоры! – развеселилась девушка. – Слушай, а у вас вообще бывает, чтобы по любви и на всю жизнь?

– Да, вот батюшка с матушкой тому пример. Правда, до неё папка успел покуролесить. Детей десять наделал. Степана и Абрама, видя их успехи в обучении и ладный облик, затребовал к себе. Лишь к сорока годкам успокоился. И Светлану, матушку мою, сделал своей единственной и постоянной женой. Но ведь это правильно – надо созреть до настоящей семейной жизни.

– А где теперь твоя матушка?

– Умерла, когда мне было семь.

– От чего? – шмыгнула носом Василиса. Как мне показалось, она готова была разреветься.

– Не помню, – нахмурился я. – Вроде и не болела. Просто однажды пропала.

– Так может, жива она? – воодушевилась девушка. – Ушла куда-нибудь, или похищена. Могилу же ты, как я понимаю, не видел?

– Не видел. Но зачем ей уходить? Или для чего её похищать? К чему будить пустые надежды? – я со вздохом мах-

нул рукой.

– Ну, дай пофантазировать! Люблю эти Санты Барбары! – вновь начала нести околесицу Васька и заговорила на разные потешные голоса: – «Мы не можем быть вместе, сын. Потому что я тебе не отец. И даже не приёмный отец. – А кто же мы тогда друг другу? – Мы твоя тётка по прабабкиной линии, усыновлённая по ошибке твоим троюродным дядей!»

Покрутив пальцем у виска, я начал собираться на аудиенцию к царю. Надел первую попавшуюся белую рубаху с узором на рукавах (странно, выглядит выглаженной), натянул сапоги (подозрительно чистые), накинул на плечи модный кафтан (эту штуку не надевал с прошлого года) и хотел было выходить, но Василиса остановила меня:

– Подожди. Раз уж ты теперь человек семейный, должен выглядеть комильфо, – с этим бредом на устах она повязала мне на шею какую-то узкую тряпочку красного цвета. – Кармин, по-моему, вполне сочетается с ореем. А цумами канзаши добавит изюминку, – и она приколола на грудь брошку.

Я потрогал этот неожиданный аксессуар своего гардероба (тоже модные слова всплыли в памяти). На ощупь – мягкая ткань. Брошка представляла собой искусно сплетённый из кусочков этой ткани лист кувшинки. Цвет менялся от тёмно-красного по краям до ярко-зелёного в середине. Чуть в стороне от центра сидела золотистая лягушка. Похоже, из янтаря.

– Откуда? – обалдело спросил я. Но тут же к моим губам

прижался немытый пальчик:

– Никаких вопросов сейчас. Пора к отцу.

– Ага, – только и промолвил я.

9. В тронном зале былолюдно. Бояре в полном составе, несколько именитых купцов, кое-кто из свободных слуг – все шептались в предвкушении каверз, которыми царь-батюшка решит позабавиться на этот раз. Тут же собрались и почти все добры молодцы, участвовавшие во вчерашней жеребьёвке. В основном все выглядели помятыми. Закидон щеголял замечательным фингалом под левым глазом и попеременно поглаживал грудь то справа, то слева. А вот его закадычного друга Утырка нигде не было видно. Видимо, утанцевала его невеста.

– Ну чо, Ванёк, как там твой стрём поживает? – ухмыльнулся Гаврила Отрыжкин, подмигивая мне мешком под левым глазом.

– Не стрём, а экстрим! – поправил его Закидон. – Почему на мои поминки не заглянул?

– Занят был, – буркнул я.

– Да он из болота свою лягушку вытаскивал! Идти не хотела! – заржал Василий Стрелков.

Видимо, Кулиб вчера по пьяному делу проболтался, куда полетела моя стрела. А вот и он сам, тяжело дыша перегаром, подошёл сзади и похлопал меня по плечу.

– Ну, как? Полный абзац?

– А ты знаешь, в принципе очень даже ничего. Заговаривается, правда, иногда. Начинает какую-то заумную чушь нести – не остановишь. Сопливая, немытая, с бородавкой на носу... Жанке понравилась. И это она её ещё в кокошнике не видела... В общем, я почти в восторге.

– Кстати, как прогулка по лесу? Без происшествий?

– Какое там. Сначала нас чуть таракан не схарчил. Правда, сам на зубок крысам попал. Потом с лягушками подрались. А под занавес к пауку в паутину попали. Ницше, собака страшная, в обморок брыкнулся. Пришлось до дома на себе тащить.

– Ты, небось, порадовался, что у тебя не боевой бык, как у Степана, – подмигнул мне техник. – Того бы легче было сразу на шашлыки пустить. Ну, главное жив остался. О! А вот и царь-батюшка!

Дверь справа от трона распахнулась, и из проёма выступил отец. Он был румян, весел, корона лихо заломлена на бок.

– Ну, деточки мои дорогие! Поздравляю! Вы снова мужья законные, обязанностей благих преисполненные. А чтобы ваши жёны это тоже осознали, выполните-ка моё первое задание. Велю, пусть к завтрашнему утру испекут они по хлебу. Да не просто сходят и купят в пекарне у Сладкова, а проявят сноровку, смекалку и, так сказать, творческую фантазию. Одним словом – креативизм. Чтоб никаких привлечённых кондитеров не было! Всвязи с этим объ-

являю на сегодня строгий контрольно-пропускной режим. Ежли кто не понял, всех выпускать, никого без предварительной записи и сличения физий не впускать! Прочие добры молодцы тоже могут принять участие и дополнить экспозицию произведёнными их жёнами композициями. Все свободны! Вань, останься, – обратился царь ко мне, когда я уже встраивался в поток исходящих.

Закидон с Гаврилой затеяли толкаться прямо в дверях, создав затор. Но Степан быстро прекратил это безобразие, легонько стукнув забияк лбами. Горница опустела, и мы с батюшкой остались наедине.

– Ты, смотрю, прям комильфо! – повторил неизвестное мне Васькино словечко отец. – Галстук нацепил, одёжку чистую надел. Что за брошка?

– Невеста приколола.

– Не невеста, а уже жена, – назидательно поднял отец указательный палец. – Я ж только что объявил. Ты чем слушал? А откуда у неё такая лепая вещица?

– Без понятия. Она вообще какая-то странная. На вид побирушка, говорит странно, многих наших вещей не знает. Зато порой начинает что-то такое заумное нести, будто в другом мире живёт. Может, попросить Кулиба пробить её по базе?

– Да какая у нас база, – махнул рукой царь. – Одно название. Но девица, судя по всему, неоднозначная.

– Даже не представляешь насколько. Знаешь, откуда мне

её вчера пришлось доставать?

– Что-то слышал про болото.

– Ага. В Тараканьем лесу.

– Вот долбанутая баба! – не сдержался отец. – Что она там забыла?

– Что-то бормотала о прогулках по грибы-ягоды.

– Короче, скудоумие с изюминкой. Загадочная дама с полным чердаком тараканов.

– Как-то это не куртуазно звучит. Но – да, – я вздохнул и потеревил брошку. – Вещица и вправду необычная...

10. – Что, Иванушка, невесел? Что буйну голову повесил? – с порога комнаты возопила жена. Она, вопреки моим надеждам, всё ещё была в своём старом тряпье, чумазая и шмыгающая носом.

– Да нормально всё... – промямлил я заплетающимся языком.

Закидон затащил-таки меня на продолжение собственных поминок. Лишь ближе к вечеру удалось выбраться из «Скрипучей телеги». И то благодаря новоиспечённой закидоновой жене, Вере, которая вломила в трактир, разметала нас, как котят и, унося на плече нокаутированного муженька, чинно удалилась. Кое-кто, разумеется, продолжил гулянку и без него. Но я счёл за благо отправиться домой.

Я уже был в двух минутах от палат, когда из-за угла выступила тёмная фигура. Я налетел на неожиданное препят-

ствие, чуть было не сев.

– Какая встреча! – пробасил знакомый голос.

– Мы знакомы? – я напряг память, пытаюсь вспомнить этого громилу.

– Ты обещал мне свои сапоги.

– А, припоминаю... Но ты ж мне адреса не оставил... И к тому же был чрезвычайно груб...

– Не хами тут! – шаромыжник хмуро посмотрел на меня. – Где девка?

– Девка? А, так сразу бы и сказал, – улыбнулся я. – Пойдём, отведу. Только давай я пока сапоги тебе отдавать не буду. Да и размерчик у тебя... Порвёшь их, как Тузик тряпку. А они хорошие.

Всю эту чушь я нёс уже по дороге к заведению «У Зизи». Краем глаза я заметил, что к нам присоединились ещё трое. Ну да, их же было четверо на свалке. Продолжая как ни в чём не бывало болтать, я распахнул дверь дружелюбного заведения.

– Зизи, я клиентов привёл!

С десяток девушек в разной степени откровенности нарядах тут же облепили недоумевающих гостей.

– Куда ты нас притащил? – вытаращился здоровяк.

Две барышни уже сидели у него на коленях, третья встала сзади и принялась разминать ему шею. Спутники громилы уже исчезли за гостеприимными дверями частных комнат.

– Так ты же сам хотел девку. Здесь большой выбор, – я вы-

свободился из рук пары красавиц. – Извините, дамы. Пойду к жене...

Здоровяк хотел было возмутиться по поводу моего ухода. Но лишь только он распахнул свою пасть, в неё полилось вино.

Убедившись, что все довольны, я скрылся за дверью.

– Ну, так что повелел царь-государь? – Василиса помогла мне раздеться и лечь в кровать.

– Воды... – пробормотал я.

– Принести ему воды? – не поняла жена. – Сколько? Какой? Живой и мёртвой? Может, минеральной? Со скважины №457 в Архызе?

– Мне... Стакашек... А лучше ковшик...

– Послала ж судьба алкаша... – пробурчала Василиса, уходя в сторону кухни. Но водички я не дождался.

11. Я сидел на скамейке у изящного фонтана, композиционно изображавшего трёх дельфинов, запряжённых в повозку морского царя. Причём трезубец коронованной особы упирался мне в затылок. Не понимая, где нахожусь, я аккуратно поднялся с сиденья. Город вокруг был великолепен. Никаких бревенчатых изб – сплошь каменные хоромы с разноцветными крышами. Здания в основном двух- и трёхэтажные. Правда, в отдалении торчало несколько высоких строений, а одно вообще упиралось в небо. Задрав голову, я попытался увидеть его вершину, но так и не смог. И далекова-

то, и высокогато. Людей, что примечательно, опять нет. Ну что ж, здесь, по крайней мере, интересно. Пойду-ка к башне.

Проходя мимо третьего от площади с фонтаном дома, я услышал стук двери.

– Ой, Ванюша! – в дверном проёме стояла миловидная старушка. – Заходи, накормлю.

Ну как тут было отказать? Первый человек в незнакомом месте, первый открытый дом. Любопытно же.

– Спасибо за приглашение, – вслед за бабулей я зашёл в дом. Впрочем, старушка не шла. Она плыла на расстоянии ладони от пола. – Кто Вы, бабушка? – спросил я, жадно осматриваясь.

– Разве ты не помнишь свою няню? Впрочем, не мудрено. Последний раз ты меня видел семнадцать лет тому назад.

Стены внутри дома как будто слегка светились непонятным узором. Когда я дотронулся до одного из них рукой, он вздрогнул и изменился, за ним потянулись остальные. Я хмыкнул и проследовал за старушкой дальше. В одном месте она коснулась стены, и та расступилась.

– Это наша кухня, – произнесла бабуля. – Садись за стол.

Я с опаской сел на ажурный снежно-белый стул. За такой же воздушный стол с белыми ножками и изумрудной столешницей. Поёрзал. Не качается, не скрипит. Ломаться подо мной не собирается. Успокоившись, я принялся с любопытством вертеть головой. Старушка тем временем подошла к стене, где-то что-то нажала, замигали лампочки. Че-

рез пяток секунд в стене открылась дверка, и бабуля что-то сняла с выдвинувшегося оттуда подноса.

– Вот тебе, милочек, сахарный петушочек! – с улыбкой сказала старушка и торжественно поднесла мне янтарного цвета петушка на палочке.

– Благодарствую, но я, это, вырос как бы из петушков... – обалдело проговорил я.

Сзади раздался смешок. Я резко обернулся и успел заметить, как закрывается проём в стене.

– Ах я, дура старая! Ты ж взрослый совсем! – сокрушалась за моей спиной старушка, пока я тщетно обшаривал стену. – Сейчас пельмешек сварганю!

– Бабушка, а кто здесь ещё есть? Кто только что смеялся за моей спиной?

Ответить она не успела. Страшный удар сотряс дом. За окном кухни резко потемнело. Взыла сирена. Часть стены внезапно с искрами разрушилась. Дым заволок помещение. Закрыв лицо рукавом, я выглянул на улицу. Город пылал.

– Опять... – простонал я.

И тут меня кто-то схватил за шиворот, приподнял и кинул. Удар о мостовую выбил воздух из груди. Приподнявшись на локте, я взглянул на напавшего. Ага. Знакомые всё морды. Долговязый безэмоциональный тип с надписью КЩ-02 на эмблеме.

– Может, поговорим? – с надеждой спросил я.

В ответ он вырвал из земли металлический столб высотой

в два моих роста и замахнулся. Но тут же опустился на колени.

– Ты плохой мальчик! – сказала старушка, держа его ухо в своём кулачке. – Он тебя обидел, Ванюша?

Долговязый рванулся, ухо оторвалось. В следующий миг бабуля, получив столбом по челюсти, отлетела в сторону. И тут же эта импровизированная дубина опустилась на то место, где только что лежал я. Только меня там уже не было. Пара булыжников, прилетевших КЩ в нос и в ухо, не остановили его. Третий он поймал. А я нет. От удара в живот я согнулся пополам, хватая ртом воздух. Злодей вновь замахнулся столбом.

– Ваня, беги! – сухонькие ручки обхватили вражину.

На старушку было страшно смотреть. Левое ухо отсутствовало, и на его месте что-то искрило. Глаза налились красным, голова тряслась. Почему-то я послушался и побежал. Правда, не далеко. Сзади гроыхнуло, взрывная волна подхватила меня, подняла метров на пять над землёй и понесла над домами. Внезапно город закончился, и я полетел вниз. Вниз?

12. И, как водится, проснулся. Светало. В сумраке утра я выбрался из-под одеяла и увидел ковш с водой у кровати на столе. А рядом с ковшом стоял... стояло... Больше всего это было похоже на город из моего сна, но только очень маленький. Где-то в полтора обхвата. Знакомая башня, до кото-

рой я так и не добрался во сне, возвышалась на добрых полметра при высоте прочих домиков в полнапёрстка. От города очень вкусно пахло. Я хотел было ткнуть пальцем в крышу одного из домов и попробовать её на вкус, но тут же услышал окрик:

– Куда немытыми пальцами?! Как обгрызенный торт батюшке понесёшь? – Василиса резво выскочила из своего убежища и стала грозно на меня надвигаться.

– Я только попробовать, – виновато пролепетал я, быстро отступив назад.

– Попробуйте все. Потом, – ухмыльнулась жена, поигрывая сковородкой. – Ты водичку-то пей.

– Спасибо. Что-то на фоне кулинарии забыл. Откуда это чудо?

– По сусекам помела, по карманам поскребла, – проквкала Васька.

– А если серьёзно?

– Никаких больше вопросов. Должна же быть в женщине какая-то загадка, – устрашающе прошептала она и тут же зычно гаркнула: – Живо на кухню!

– Так темно ж ещё. Рано завтракать, – поскрёб макушку я.

– А помочь работающей женщине? Воды натаскать, дров принести, полы помыть.

– Да я, вроде, царевич. Не царское это дело.

– Вот станешь царём – тогда и поговоришь. А сейчас – живо за работу! – безапелляционно заявила девушка и, топ-

нув ножкой, указала на дверь.

– Это почему мы голос на мужа повышаем? – я начал злиться. – За торт спасибо. Батюшка оценит. Но, откровенно говоря, задание было – хлеб. Да и не помню я, чтобы вообще тебе говорил о задании. Или я во сне болтал?

– Алкаш! – воскликнула Василиса и, изобразив слёзы, исчезла в дверном проёме.

Вскоре с кухни донёсся возмущённый голос Жанны. Поняв, что лучше замирииться, чем остаться без завтрака, я не спеша отправился за водой.

– Доброе утро!

Кухарка, уже готовая к скандалу, не ожидала увидеть меня, столь мило шествующего мимо.

– Свят, свят... Мужик с утра с пустыми вёдрами... К чему бы это?

– К пельменям, если ты не против, – я прощально помахал ведром и вышел во двор.

Свежесть утра явственно перебивал запах гари. Внезапно окно домика, в котором проживал Степан, разлетелось вдребезги.

– Воды! – раздался рёв брата.

Из оконного проёма валил едкий дым. Я быстро подскочил к колодцу. Пока набирал одно ведро, Степан выскочил из домика и метнулся в мою сторону. Принял из моих рук ёмкость и снова исчез в дверях. Не успел я достать второе ведро, как он снова уже стоял рядом, требовательно протя-

гивая руку.

Видимо, двух вёдер вполне хватило. Никто не стремился вернуть ёмкости, поэтому мне пришлось войти в домик брата. Ну и, конечно, было интересно, что же всё-таки там произошло. В задымлённой комнатухе, отведённой под столовую, сидела испачканная сажей девушка, в которой я с трудом узнал жену Степана Марфу. Сам хозяин дома, злой и покрасневшийся, стоял у небольшой печурки в луже воды и пытался вытащить нечто чёрное. Нечто раздулось и никак не хотело вылезать.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Жена креативность проявила, шлёпанцы Суворова... – буркнул Степан, а Марфа заревела в голос. – Хлеб испечь решила по новомодному рецепту.

– Он сказал, что масло чудесное! – удалось мне разобрать сквозь слёзы.

– Ей какой-то хлыщ на базаре продал якобы чудесное масло, от которого любое тесто становится «пальчики оближешь», – пояснил брат. – Встала пораньше и давай месить. Масла этого от души ливанула, не пожалела для царя-батюшки. А оно как полыхнёт! Я спросонья думал пожар! Чуть в окно не выскочил!

– А что за хлыщ? – спросил я, забирая вёдра. – Надо бы жулика проучить. Нечего царскую невестку обижать!

– Сходим попозже с Марфой на базар, поглядим, – мрачно промолвил Степан. – Уж я ему бока намну.

– Ну, зови меня, если буду нужен, – я направился к колодцу.

Жанна приняла полные вёдра воды с улыбкой.

– Что там за шум был? – из подсобного помещения выглянула Василиса.

– Марфа хлеб приготовила для царя. Пока твой торт вне конкуренции.

– Какой торт? – спросила кухарка.

– Ой, а что там горело? – перебила её жена. – Может, помощь какая нужна? Надеюсь, пенный огнетушитель у них был? А аварийная система пожаротушения сработала?

– Не шуми, – успокоил её я. – Опять какой-то бред несёшь. Чем смог – помог. Водой снабдил. Отмоются сами. Слуг позовут, если надо будет.

– Пожар?! – Жанна выпучила глаза от страха.

– Всё нормально. Никакого пожара. Просто сгорел пирожок. Как будто у тебя такого не бывает.

– У меня – не бывает, – кухарка с гордым видом отошла к печи.

Вскоре мы сидели за столом и завтракали. Аромат пельменей окончательно уничтожил все следы гари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.